

Человеко-метры, потребители, «правильные» и «неправильные» жители: репрезентация горожанина в дискурсе о новых жилых районах Москвы*

Дарья Волкова

Стажер-исследователь, лаборатория социальных исследований города,
факультет городского и регионального развития,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация 101000
E-mail: volkova.daria.v@gmail.com

В статье рассматривается репрезентация горожан в публичном дискурсе о новых районах Москвы. Обращаясь к тому, как репрезентируются горожане разными агентами дискурса, можно увидеть, для кого создаются городские пространства и по каким принципам, а кто остается исключенным из городской повестки. В Москве противоречивость репрезентации горожан становится видна в контексте территорий новых жилых районов. Для власти эти территории являются воплощением их экстенсивной политики, капитала и удачных управленческих решений. В медиа новостройки стигматизируются: «гетто» и «человейники» становятся образом среды плохого типа, непригодной для развивающегося города. Рассматривая репрезентацию горожан в публичном дискурсе, созданном властями, девелоперами и критическими медиа, я показываю: 1) как в дискурсе используется горожанин как обезличенная категория; 2) как формируется представление о «среднем» горожанине, для которого строятся новые районы и их инфраструктура; 3) как, исходя из разных предпосылок, рассматриваемые агенты дискурса выделяют горожанина-потребителя, принимая во внимание лишь агентность горожанина на рынке недвижимости; 4) как формируется взгляд на горожанина, который не наделяется правом на пространство новых районов. Через выделенные категории горожан я показываю отсутствие принципиальных отличий в дискурсах власти, девелоперов и критических агентов.

Ключевые слова: репрезентация, дискурс, горожане, ЖК, Москва, новые жилые районы, периферия

Стремительная урбанизация и разрастание города поднимает вопросы о том, на кого ориентированы городские политики и как в них учитываются жители новых городских территорий. В этой статье я рассмотрю репрезентацию горожанина в дискурсе о новых районах: какие агенты производят этот дискурс, в каких контекстах упоминается горожанин, к каким эффектам это приводит.

Работа по (пере)определению городской повестки ведется с разной интенсивностью в разнообразных сферах. К примеру, в Москве к активно обсуждаемым

* Публикация подготовлена по результатам исследования 19-04-010 «Неравенство в новых жилых районах Москвы» в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2019–2020 гг. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

можно отнести самоуправление и выборы в органы муниципальной власти в 2019 году, принципы устройства развития сети общественного транспорта, политику благоустройства территорий. Я сосредоточусь на строительстве и дальнейшей судьбе новых районов, которые конструируются как отдельный феномен городской жизни. Строительство новых частей города сопряжено с представлением о том, кто именно будет жить в этих районах и как это пространство будет использоваться жителями. Репрезентация горожанина в этой статье рассмотрена на примере дискурса о новых районах в Москве, который только находится в процессе нормализации и оказывается очень противоречивым.

Городское развитие в значительной мере следует экстенсивной логике, что проявляется в двух противоположных по модели, но схожих по эффекту повестках. С одной стороны, власти Москвы присоединяют новые периферийные территории и выдают разрешения на их застройку многоэтажными жилищными комплексами преимущественно эконом-класса. С другой стороны, в то же время власти запускают программу реновации, которая предполагает освобождение большого пространства от старых кварталов и возведение на их месте новых жилых комплексов по модели периферийных районов (с увеличением этажности и плотности). Таким образом, новые территории и новое строительство жилья, а также обеспечивающей его инфраструктуры на периферии становятся одними из главных целей и представляются в качестве показателя эффективности политики городского развития.

Новые жилые районы Москвы — их жители, инфраструктура, образ жизни — находятся в специфическом дискурсивном пространстве. Происходящие в городе изменения все чаще описываются через термины «благоустройство», повышение «комфортности городской среды», обоснование которым дает новая для Москвы идеология/экспертное знание — урбанизм. В то же время новые жилые районы Москвы и их жители описываются в медиа в терминах упадка: как новопостроенные «гетто» и «человекиники». Разные агенты — медиа, власти и девелоперы — производят противоположные по смыслу дискурсивные поля: о новой комфортной среде для горожанина, с одной стороны, и о деградирующем и неподходящем для современного города пространстве — с другой. Объектом такой разнонаправленности являются именно новые жилые районы.

В данной статье я обращаюсь к репрезентации горожанина в дискурсе о новых районах — то, как агенты дискурса выделяют различные категории горожан, как складывается их агентность и взаимоотношения между собой. Описывая определенные категории граждан, агенты дискурса транслируют, для кого производится городское пространство, кто имеет на него право и в какой степени. Особенности репрезентации горожан я рассматриваю в рамках подхода к дискурс-анализу репрезентации жилых территорий на периферии, используемого Мустафой Дикешем (Dikeş, 2011).

Заметную роль в репрезентации горожан играют крупные агенты (власть, крупный бизнес, медиа) — те, кто устанавливает повестку городского развития,

готовит и реализует специфические политики, решает, на кого в первую очередь они должны быть направлены. Дискурс этих агентов не только нормализует представления об одобряемых и исключаемых из городского пространства группах, но одновременно создает пространство борьбы, противоречий и возможности для переопределения (Fernandes, 2004; Guano, 2004; Kanai, 2010). Такие процессы не проходят бесследно: то, как представлены разные группы горожан в дискурсе, влияет на городскую политику, на определение вектора развития города, мер поддержки или маргинализации определенных групп и многое другое (Wasquant, 2008a; Dikeç, 2011). Таким образом, исследуя то, как репрезентируются горожане в текущей городской повестке, можно понять, какова структура отношений между ключевыми агентами городской жизни (властью, капиталом, медиа, различными категориями горожан и т. п.), кто и на каких условиях наделяется статусом участника городских процессов, а кто исключается из взаимодействия.

В публичном дискурсе, создаваемом СМИ в целом, есть упоминания некоторых проблем, с которыми сталкиваются жители новостроек: плохие транспортные связи, отсутствие должной социальной инфраструктуры, обманы со стороны девелоперов. Однако, как я покажу далее, никто из основных агентов, производящих городской дискурс, не говорит о возможностях и тем более конкретных механизмах, с помощью которых жители могли бы влиять на систематически возникающие проблемы новых районов и в целом быть значимой частью процесса развития жилья и жилых территорий Москвы. Городские власти и представители капитала скорее формулируют запросы горожан исходя из собственных интересов и собственных представлений об обобщенной пользе для новых районов и города, чем обращаются к конкретным проблемам жителей.

Такая городская политика и логика московского неолиберального урбанизма (Büdingender, Zupan, 2017) изображает горожанина, чья репрезентация тесно связана с экономической агентностью, классовыми границами, формальной принадлежностью к территории столицы, но не с участием в политическом процессе и определении стандартов, принципов строительства и развития новых жилых территорий. Хотя критический дискурс и дискурс властных агентов и девелоперов и оказываются противопоставленными друг другу по интерпретации места новых жилых районов в городском пространстве, в своем основании они имеют одни и те же представления о том, для кого производится городское пространство.

В первой части статьи рассматривается, как изучается репрезентация горожан в публичном дискурсе. Описаны механизмы того, как дискурсивное производство различных категорий горожан воплощается в городской политике, стигматизации и особых способах означивания периферийных районов. Затем я представляю аналитическую модель, разработанную для этого исследования, и обоснование применения методологии дискурс-анализа с точки зрения социологии знания (Keller, 2006, 2011). На основе качественного анализа публично доступных материалов властных агентов, девелоперов и медиа я выделяю четыре категории жителей. Основная часть статьи посвящена эмпирическому анализу этих четырех выявлен-

ных категорий, а также описанию того, как соотносятся произведенные категории с агентами дискурса и как это помогает понять структуру отношений между ними.

Символическое пространство города и репрезентация горожанина

В этой части я рассмотрю, почему важно изучать, как репрезентируются горожане в городской и жилищной политиках, опишу особенности репрезентации горожан на периферии, а также выделю основных агентов, влияющих на нее в публичном дискурсе.

Репрезентация горожанина в контексте городских и жилищных политик

Фокус в исследованиях на репрезентации горожан показывает, какие группы попадают в политическое, в медийное поле, а какие группы не допущены к участию в принятии решений и публичном обсуждении. Несмотря на декларируемую универсальность и инклюзивность, городские пространства создаются для определенных горожан, наделенных особыми характеристиками: например, велоинфраструктура в городах Индии становится признаком «правильного города» только для среднего класса, но преподносится как общее благо (Anantharaman, 2017). Коммерциализация пространства, очистка города от «неблагоприятных пространств» вроде трущоб и уличной торговли также является следствием того, как девелоперы, власть, эксперты и профессионалы представляют и планируют город в соответствии с возможностями и жизненным стилем этой категории горожан (Fernandes, 2004; Guano, 2004; Kanai, 2010; Nogueira, 2019). В контексте преобразований Москвы и постсоветских городов исследователи говорят о неолиберальной парадигме, построенной на коммерциализации пространства (Golubchikov et al., 2014), и отношении к горожанину как к потребителю.

Возможность быть представленным в дискурсивном пространстве города — важная составляющая влияния на городские процессы. Согласно теории права на город, созданной Анри Лефевром и развитой его последователями, в капиталистическом городе исключенные из символического пространства не могут напрямую влиять на существенные преобразования физической среды, оставаясь вне фокуса городской политики (Levebvre, 1996; Harvey, 2003). Но одного упоминания в городской повестке недостаточно: важно понимать, какими правами наделяются те группы, которые в дискурсе видимы, какие у них существуют конкретные механизмы представленности и включения в городскую политику (Holston, 2009a). В неолиберальной парадигме житель пассивен: горожанин может лишь выразить свое мнение, голосуя за определенные сложившиеся альтернативы (Holston, 1999). Одним из следствий такого подхода становится тренд на символическое присутствие горожан в политике «мягкого городского планирования»: привлечение жителей, учет мнений и партисипаторные практики проектирования (Büdenbender, Zupan, 2017: 309), которые часто используются как подтверждение уже продуман-

ного проекта. Реальный же учет позиции жителей и их возможность влиять на повестку ставится под сомнение (Schatz, Rogers, 2016).

Степень того, насколько разные группы представлены в публичном дискурсе, зависит не только от медиа. Некоторые группы горожан становятся производителями неравенства в символическом пространстве (Ghertner, 2012; O'Dougherty, 1999; Lamont, 1992) и вытесняют другие группы (Anjaria, 2009). Средний класс, который чаще всего выделяется не на основании уровня дохода, а как культурная категория, обусловленная моральными представлениями и практиками, отграничивает себя от других и предъявляет права на городское пространство (Sayer, 2010; Guano, 2004; Anantharaman, 2017). В дискурсах о городской политике эта категория жителей считается «нейтральной» и всеобъемлющей, и представляется важной для поддержания государством: предполагается, что увеличение доли среднего класса будет способствовать увеличению равенства (Ballard, 2012). То, что средний класс приоритизируют, приводит к тому, что он противопоставляется другим категориям горожан. Иные группы исключаются из медийного и/или политического пространства в принципе, криминализируются и становятся маргинальными (Holston, 2009b). В данном исследовании я буду описывать не только то, как репрезентируются горожане в дискурсе о новых районах, но и то, какие группы горожан оказываются исключенными из дискурсивного пространства, на каком основании и как они противопоставляются друг другу.

В контексте жилищной политики вопрос репрезентации горожан встает особенно остро. В таком контексте становится очевидно, какие последствия имеет выделение жителей особого типа жилья в публичном дискурсе в отдельную категорию, как в случае, описываемом в этой статье. Кейс дискурсивного осмысления похожей застройки советского периода в разных странах показывает, что негативное восприятие жителей районов массовой застройки может быть вызвано разными причинами: как страхом перед «чужой культурой», так и боязнью малообеспеченных слоев населения и криминала (Glasze et al., 2012). Однако во всех случаях, которые рассматривают исследователи, важным оказывается дискурсивное исключение жителей из «правильного общества» на основании места проживания, а не только на основании экономических и социальных критериев (Glasze et al., 2012: 1208).

Последствия неравного дискурсивного производства для самих жителей проявляются в политических действиях властей. Центральной для исследователей городского неравенства и периферии является концепция *территориальной стигматизации*, предложенная Ваканом (Wacquant, 2008b). Стигматизация на основании территории — это отдельный вид, который не сводится к стигматизации по признаку класса и национальности (Wacquant et al., 2014). Такая стигматизация в современных городах является одним из главных процессов, формирующих пространственное неравенство и сегрегацию (Wacquant et al., 2014).

Крайним случаем такого процесса становится выделение территорий в особые объекты городской политики: к примеру, производство категории «гетто» в Дании

на уровне государства (Bakkaer Simonsen, 2016). Районы-«гетто» становятся объектами для исправления и включения в городскую среду: решения, принимаемые правительством, дискурсивно производятся на основании того, чтобы не допустить будущей отделенности пространства от «остального» города: в случае Дании этот аргумент построен на необходимости включения мигрантов в образ жизни горожан с «правильным» статусом (Bakkaer Simonsen, 2016). В этой статье я рассматриваю, как обособливаются группы горожан в публичном дискурсе, и становятся ли территории новых жилых районов символически обособленными.

Особенности репрезентации горожан на городской периферии

Прирост городских территорий и в особенности рост периферийных жилых районов привлекает внимание к множеству планировочных, социальных и экономических проблем, в том числе и к тому, как репрезентируются жители периферии. Жилье на периферии в разных странах с разными политическими режимами и с разным уровнем экономического развития часто оказывается одним из самых дешевых, доступных для групп населения, репрезентированных как «нежелательные»: чаще всего это горожане с низким доходом и мигранты. Поскольку это массовое жилье эконом-сегмента, девелоперы стараются минимизировать инвестиции и максимизировать число покупателей, что приводит к возведению высокоплотной застройки. Одним из распространенных сценариев дискурсивного конструирования этих районов является «трущобизация», то есть выделение периферийного жилья в особую, негативно окрашенную и однородную категорию (Holston, 2009b: 249). В случае с парижскими *banlieues*, не имевшее изначально негативных коннотаций слово обозначало периферийные территории города в целом, однако со временем стало ассоциироваться именно с многоэтажным высотным строительством социального жилья на периферии (Dikeç, 2011: 8). В связи с проводимой политикой в отношении мигрантов и криминализации жителей оно стало восприниматься не просто как особый вид периферийной застройки, а как угроза безопасности и сложившемуся социальному порядку «правильных горожан». Периферия перестала быть нейтрально означенной, превратившись в особую нежелательную территорию с маргинализированными жителями.

Из-за особенностей экстенсивного строительства в России новое жилье в городской периферии чаще всего имеет форму жилого комплекса (далее — ЖК) — особо плотной среды, в которой жителям приходится сталкиваться с недостатком инфраструктуры (что относится и к опыту Москвы). Российские новые жилые районы привлекают внимание исследователей: изучается организация жизни в ЖК и жилищная мобильность (Strelnikova, 2018; Полухина, 2017), особая эмоциональная атмосфера и чувства в новой городской среде (Бредникова, Запорожец, 2016) и особый социальный порядок (Шишова, 2020; Чернышева, 2020; Тьканова, Тенишева, 2020; Запорожец, Багина, 2021). Периферийные территории и жилые комплексы образуют специфическое пространство и связанные с ним повседневно-

ные практики: к примеру, перегруженные транспортные связи, ориентированные на долгие поездки большого количества людей.

Периферийные ЖК особо выделяются также и символически: на примере Иркутска показано, что существуют «город» и «пригород» (причем пригород «тихий и спокойный»), а ЖК в таком разделении воспринимаются отдельно и разговор о них идет в крайне негативном тоне: «неблагополучные районы новостроек на окраине» (Григоричев, Пинигина, 2013). Высотность новых районов — особая черта, которую подчеркивают горожане, говоря о них как о «гетто» (Желнина, 2019). С этим свойством связываются многие проблемы новых районов: неопределенность границ района, высокая плотность проживания, невозможность знать всех соседей в лицо (Чернышева, 2019). Хотя «гетто» не существует в официальном дискурсе и городской политике, такая репрезентация и критика влияет на жизнь новых районов и не способствует решению существующих проблем, а скорее их усугубляет (Чернышева, 2019).

Агенты, влияющие на репрезентацию горожан

Репрезентация горожанина и дискурсивное производство его роли в городских процессах происходит коллективно: не только в медиа, документах власти и так далее, но и в повседневных взаимодействиях. Однако некоторые акторы, как отмечается во многих исследованиях, имеют особенно сильное влияние.

Роль власти отдельно акцентируется в исследованиях репрезентации горожан. Именно агенты власти задают категории горожан, для которых необходима определенная политика, а также определяют показатели, по которым она в дальнейшем оценивается (Wasquant, 1996). Государство не только является главным агентом производства политических решений, но также влияет на создание поля, которое предшествует закреплённой официально политике. Так, политике, направленной на устранение бедности и криминала, предшествует создание образа о криминальности пространства, о том, какие группы населения становятся катализатором этого процесса (Dikeç, 2011: 8). На производство горожан в дискурсе влияют как местные власти, городская администрация, определяющая вектор развития города, так и власти разного уровня, устанавливающие общегосударственную политику. СМИ в таком случае выступают главной площадкой для освещения и закрепления представлений о горожанах, где рассказывается об увеличении преступности, успехах полицейских мер или об очередном конфликте на этих особо означаемых территориях.

Экспертное знание формирует представление о желаемом направлении развития города, представляет оценку городских политик (Bocking, 2006). В городском пространстве эксперты разного рода (планировщики, архитекторы, медиаперсоны, исследователи) оказываются одним из главных акторов, формирующих повестку (McArthur, Robin, 2019). То, как эксперты дифференцируют горожан, какую роль отводят разным категориям в городском развитии, каким проблемам уделя-

ют внимание, становится частью городской повестки. Бизнес также важный актор при репрезентации горожан в дискурсе: помимо того, что инвестиции/их отсутствие влияют на престижность района и повседневную жизнь горожан (Slater, Hannigan, 2017), реклама жилых комплексов дискурсивно создает образ определенного покупателя, ориентируясь на желаемую целевую аудиторию. В этой статье я сосредоточусь на этих трех важных агентах публичного дискурса: властях, критическом дискурсе, представленном экспертным сообществом, и девелоперах.

Дискурс-анализ: городской контекст и выбор источников

При исследовании дискурса о жителях периферийных районов исследователи в основном используют два подхода. Одни сосредотачиваются на репрезентации в медиа, на дискурсе политиков, власти и прочих влиятельных акторов, вторые показывают разницу между дискурсами «извне» и «внутри», сравнивают дискурс в медиа и дискурс, производящийся самими жителями, раскрывают противоречия и показывают влияние дискурсов друг на друга (Dikeç, 2011; Jensen, Christensen, 2012). В данном исследовании, придерживаясь первого подхода, я рассмотрю влияние крупных агентов на дискурс о новых жилых районах. Исследования показывают, что в теории стигматизации влияние политики и властей может быть не так сильно, как предполагалось Ваканом (Jensen, Christensen, 2012: 75). Внутри районов также производятся дискурсивные смыслы, которые влияют на появление сообществ (Dikeç, 2011). Однако можно предположить, что в текущей политической и институциональной ситуации на принятие решений относительно новых районов оказывают влияние в основном власть и девелоперы. Необходимо рассмотреть, как принимающие решения акторы формулируют представления о будущем и настоящем жителей районов, поэтому в этом исследовании стоит говорить не о публичном дискурсе (public discourse), а о его части (Keller, 2011: 232). Рассмотрение этой части публичного дискурса позволит увидеть исключаемые из символического пространства группы, категории, которые умалчиваются.

Наш анализ источников следует традиции, предложенной Мустафой Дикешем в исследованиях о *banlieue* (Dikeç, 2011). Используя доступные медиаисточники и высказывания властей, Дикеш описывает, как артикулируются проблемы в городской повестке, связанные с периферийными районами, и как меняется дискурс вокруг них. Применим этот подход к анализу публично доступных источников, я сосредоточусь на материалах за 2017–2019 годы: период, когда увеличивается количество высказываний о новых жилых районах как о «гетто», неблагополучной и некомфортной городской среде. Для исследования было отобрано более 30 материалов о новостройках и новых районах Москвы разного характера, произведенных тремя агентами дискурса: критическими медиа, московскими властями, девелоперами. Под дискурсивным высказыванием понимается не только текст, но и видео и изображения. Материалы были отобраны по двум принципам: 1) сочетание длины материала и смыслового содержания: материалы посвящены теме

нового строительства и новых районов, при этом тема является главной, а не побочной. Вне зависимости от формата выбирались материалы с развернутым нарративом (насыщенное повествование, посвященное новым районам); 2) учитывалась специфика каждого агента для выделенной части публичного дискурса.

Тематически к дискурсивному полю о новых жилых районах я отношу материалы, которые в большей степени посвящены московским районам, построенным недавно, и новостройкам бизнес- и эконом-класса, которые чаще всего расположены на периферии города. Принадлежность к этому дискурсивному полю я определяю по главным словам, которые употребляются при описании этих объектов: чаще всего это «новое строительство» («новостройки»), «новые районы», «многоэтажки».

Инструментарий «Медиалогии», использованный для анализа общего тона высказываний вокруг новых районов, позволяет рассмотреть, какие СМИ имели наибольшее влияние на формирование критического тренда. В данном случае, рассматривая *критический дискурс* (тренды упоминания в медиа слов «человейники» и «гетто» относительно новостроек), я выделила наиболее влиятельных акторов по следующим критериям: количество материала по теме и количество репостов и лайков.

Важными агентами, образующими выделенную часть публичного дискурса, становятся власти. Высказывания *московских властей* носят специфический характер. Во-первых, важна площадка высказывания: главная информация содержится на сайтах, принадлежащих мэрии, основная из которых, площадка Комплекса градостроительной политики и строительства города Москвы¹ (далее — Комплекс): именно там информация о будущих и осуществленных действиях структурируется с точки зрения городских властей. За редким исключением прямые высказывания власти (комментарии или интервью) выходят на площадках других СМИ. Агенты СМИ, производящие тот же властный дискурс, чаще всего не декларируют свою аффилиацию². Тем не менее такие источники я также считаю принадлежащими к дискурсу власти. Во-вторых, высказывания происходят от лица конкретного представителя власти — мэра Москвы. Остальные акторы (заместители по различным вопросам) представляются как члены команды, действующей под тотальным руководством мэра.

Третий агент — *девелоперы*, работающие с сегментом эконом-класса. Среди их рекламных материалов были отобраны все (наружная реклама, диджитал-форматы, материалы с сайта застройщика), доступные публично за последние четыре года. Отбор производился по сайтам самых крупных девелоперов как с точки зрения объемов строительства, так и с точки зрения рекламного поля: ГК «ПИК», А101, INGRAD. Полный список источников можно увидеть в конце статьи.

1. <https://stroj.mos.ru/>

2. К примеру, передачи на Москве 24 или заявления ТАСС явно апеллируют к тем же понятиям и точкам зрения, что и представленные на сайте Комплекса.

Категоризация жителей: аналитический инструментарий

Исследование фокусируется на том, как производится знание о горожанах, живущих в новых районах. Следуя логике символического интеракционизма, я изучила, как происходит коллективное определение понятия, категоризация знания и его структурирование (Keller, 2011). Для этого я выделила несколько аналитических направлений, по которым можно описать производство категорий жителей.

Агентность. Рассмотрение этой ключевой категории с точки зрения того, как представлены группы горожан в публичном дискурсе, поможет определить, насколько каждая выделяемая группа жителей наделяется правом на действие. Правом на предъявление претензий, отстаивание своих экономических и политических прав может наделяться в дискурсе одна категория жителей, но не наделяться другая, вне зависимости от официальной регистрации в городе.

Темпоральность. Темпоральность — специфическая категория для анализа, которая обычно не выделяется в исследованиях репрезентации горожан или территориальной стигматизации. Я выделяю эту категорию из-за особенностей контекста, в котором существуют горожане новых жилых районов. Новые районы и новостройки — символ развития города, и то, в каких категориях о них думают производители дискурса, отражает мысли о развитии города в целом. К примеру, описание новых районов в категориях будущего времени говорит о том, что дальнейшая судьба района и планы на его развитие занимают большую часть обсуждения. Если новостройки — знак будущего города и его траекторий развития, то какое место занимают в этом процессе горожане? И на какие процессы, происходящие в настоящем времени, обращают внимание в дискурсе? Ответы на эти вопросы позволяют также увидеть, как думают агенты о настоящем, прошлом и будущем городского развития в целом.

Включенность — невключенность. Анализ существующих способов разграничения пространства новых районов и их жителей от «основных» городских территорий дает возможность установить механизмы различения жителей. Такой фокус позволит увидеть, рассматриваются ли жители новых районов как особая категория горожан, отличных от тех, кто живет на других территориях, или же нет. Районы могут подвергаться символической, инфраструктурной и политической изоляции (Wacquant et al., 2014: 1273), а жители стигматизируемых и периферийных районов означаются и акцентируются как «другие» (Brattbakk, Hansen, 2004: 324–326). Тем не менее основание у этого отделения может быть разное: инфраструктурные различия, сегрегация, национальные различия.

С помощью параметров, описанных выше, я выделяю четверых персонажей — категорий жителей, существующих в дискурсе о новых районах Москвы. Категории расположены начиная с самых пассивных до самых активных. Первая категория специфична для дискурса власти, вторая и третья свойственны всем агентам, четвертая — критическому дискурсу.

Горожанин как ресурс: человеко-метры

Во властном дискурсе выделяется специфическая категория жителей, которые видятся просто как одна из частей города, обезличенные единицы. Эти «единицы» в такой же степени поддаются квантификации и контролю, что и инфраструктура и прочие материальные городские объекты, создаваемые по инициативе и под наблюдением власти. Горожане — ресурс, которым она распоряжается: распределяет их по жилым ячейкам и округам, использует для получения налоговой прибыли и инвестиций, наращивания человеческого капитала города.

Горожанин как ресурс риторически не отличается от других показателей, используемых властью. В этом специфическом дискурсе житель присутствует в той же логике, что и школы, больницы, дороги, транспортные мегапроекты: как часть наполнения территории, которая регулируется властью. «Население» — масса в пространстве, которая может меняться в объеме («прирост», «увеличение») и поддается контролю:

По его [С. С. Собянина. — Д. В.] мнению, новые спальные районы могли бы привести к транспортным и экологическим проблемам. Кроме того, резкое падение цен на жилье усилит приток населения из других регионов. (Москва 24)

Такое отношение обуславливается общей логикой коммуникации органов управления с обществом, которая нацелена на решение двух основных задач: показать, что запланированные показатели достигнуты, и обозначить центральную роль власти в этих достижениях. Представители городской власти говорят о новых районах и их жителях либо в форме отчетов о проделанной работе, либо в форме комментариев о текущей ситуации на различных медиаплатформах. Власть, которая присутствует в публичном дискурсе как единый агент («команда Собянина»), использует горожан в качестве обезличенных иллюстраций к выполненным планам. Житель — как единица в больших числах, фигурирующих на страницах отчетов и медиапрезентаций, или как лицо в массе других таких же лиц на фотографиях — становится подтверждением «правильности» городских программ и успеха решений мэра.

В дискурсе, производимом властью, горожане приобретают символический вес только в рамках большой совокупности. Но даже в таком случае их вес не превышает вес отдельных высказываний (оценок, обещаний, критики и т. п.) представителей власти. Приведенная ниже фотография (рис. 1) демонстрирует характерную систему отношений, сложившихся между главой города и жителями. Мэр один занимает почти всю правую половину фотографии (лишь где-то на заднем плане присутствуют другие чиновники), жильцы новостроек, взгляды которых направлены на мэра, собраны в одну группу на левой стороне кадра. Одна из женщин по центру жмет руку Собянину, благодаря его от лица всех местных жителей за открытие новой больницы.

Рис. 1. Мэр С. С. Собянин на открытии больницы в районе Некрасовка.
Источник: сайт Комплекса

Представление о горожанине как ресурсе также связано с политико-экономической ориентацией сегодняшней власти на экстенсивное развитие Москвы: присоединение, увеличение, разрастание. Отчеты и репортажи повествуют об огромных масштабах строительства, высоких темпах ввода в эксплуатацию, больших денежных вливаниях. К примеру, на отдельной странице «Новая Москва» на сайте Комплекса пользователь сразу же узнает о том, что «в Новой Москве открыли 8 станций метро и свыше 70 социальных объектов, построили более 200 км дорог. Инвестиции в строительство составили 1,4 трлн рублей». Если жители и присутствуют в этих разделах, то только в качестве расчетного показателя:

Согласно утвержденным проектам территориальных схем, к 2035 году в Новой Москве будут проживать 1,5 млн человек, создан 1 млн рабочих мест. Общий фонд недвижимости ТиНАО с учетом существующих и строящихся объектов составит около 127 млн кв. метров. (Сайт Комплекса, раздел «Что сделано»)

Горожанин как объект здесь стоит в том же ряду, что и квадратные метры жилья. Акцент в таких сообщениях делается не на качестве построенного и не на формах использования нового пространства, а на простом увеличении количества объектов. В связи с этим для властного дискурса столь важно конструировать представление о будущем, а не только и не столько о настоящем новых районов. Даже если речь идет о достигнутых результатах, в рассказе о них важны запланированные в будущем изменения и приросты показателей.

Наиболее значимой территорией в соответствии с логикой экстенсивного развития становится Новая Москва. Как правило, именно об этой части города и людях, которые туда заселяются, говорит «команда Собянина». Эти территории важны не только своим масштабом, демографическим и экономическим потенциалом, но и тем, что в них, по словам власти, создается новая городская среда, отличная от старых (то есть возведенных при другом руководстве) «спальных районов». Однако несмотря на утверждение о качественных различиях, все конкретные аргументы, фигурирующие в дискурсе, касаются лишь количественных характеристик масштаба.

Таким образом, главным актором и источником развития оказывается власть, а горожанин не имеет собственной агентности, он лишь подчиняется чужим планам. Заметим, что такое понимание горожан (лишенных агентности, объединенных в единую массу) актуализируется в контексте новых районов, но одновременно с этим в других ситуациях власть может апеллировать к «активному гражданину» или «заботиться» об «увеличении возможностей» столичных жителей, которых можно добиться с помощью реновации. Подобное представление о горожанах не ново: схожая риторика использовалась в отношении жителей Советского Союза, существующего в терминах плановой экономики. Интересным представляется то, как вписывается такой подход к описанию горожанина в новые рыночно-потребительские отношения.

«Правильный» горожанин как идеальный тип: «средний класс»

В дискурсах власти, девелоперов и даже критически настроенных экспертов житель новых районов изображается как часть весьма гомогенного сообщества. Этот воображаемый горожанин создает «запрос» на комфортную городскую среду, который с успехом удовлетворяется властью и некоторыми девелоперами. В идеальном типе горожанина можно распознать собирательный портрет представителя «среднего класса»: это благополучные и в достаточной мере обеспеченные люди, чаще всего молодого и среднего возраста, с детьми, а также их старшие родственники. Так горожанина описывают прежде всего исходя из его покупательной способности, потребительского выбора и жизненного стиля, но также подразумевается позитивный моральный облик горожан. Такой образ горожанина часто присутствует в рекламных материалах девелоперов, он улыбается и доволен жизнью.

В рекламных материалах акцент делается не только на дешевизне жилья. Большая символическая ценность придается социальной среде новых районов. К примеру, у компании INGRAD в 2018/2019 году был слоган «Центр — там, где я в своем кругу». ГК «ПИК» использует образ молодой пары с собакой (рис. 2), который должен иллюстрировать представления о «хороших людях», заселившихся в этот жилой комплекс.

**«В нашем подъезде
как будто собрались
все хорошие люди».**

Вера Щербакова, 32 года
Москва, Буниинские луга

ГРОМКОДЕКЛАМАЦИЯ ПОДЪЕЗДА СМОТРИТЕСЬ, ЭТО ТАКИЕ ЛЮДИ — ПУТЯКОМ ЖИТЕЛИ

Рис. 2. Рекламная кампания ГК «ПИК», 2018

Таким образом девелоперы внушают мысль, что покупка жилья эконом-класса в конкретном ЖК — это «правильный» потребительский выбор. Совершая его, горожанин оказывается окружен людьми с тем же социально-экономическим статусом. Статус данной интерпретации тесно связан с «хорошими» моральными характеристиками местного сообщества. Однако можно предположить, что рекламируя новые районы через особое чувство общности их жителей, основанное на потребительском выборе и материальном положении, девелоперы создают предпосылки для возникновения там «закрытых» сообществ (Ülkü, Erten, 2013).

Главная символическая функция горожанина, таким образом, — это легитимация или, наоборот, де-легитимация возникающей городской среды и агентов, ее создающих. В материалах городских властей и девелоперов идеальный горожанин выражает удовлетворенность «правильной» и «подходящей» средой:

Тут нет такого, что ты противопоставляешь себя миру. Наоборот — более открыто себя чувствуешь. Ты переезжаешь и видишь вокруг себя такую удобную инфраструктуру, и это отражается на твоих мыслях, на твоём образе действий. (Артём Кип, житель ЖК от ПИК)

В критическом дискурсе агенты оперируют той же гомогенной категорией жителей, чтобы описать среду, которая сделана «как нужно» или «как не нужно» для предполагаемого «среднего класса»:

Новый район не должен состоять из одинаковых человек, в квартале должно быть жилье для среднего класса и даже квартиры с признаками элитарности. В рамках квартала вполне можно встроить высотку с жильем для молодых семей на первое время, дом средней этажности с балконами для среднего класса и даже дома-таунхаусы. (Аркадий Гершман, блог)

Такой житель становится главным героем в городском развитии через странственные практики девелоперов и власти. Его изображение показывает усредненного представителя определенного класса (Fernandes, 2004). Этот усредненный горожанин выступает главным персонажем городского развития, для которого должна создаваться среда: образованный, молодой средний класс видится главным драйвером развития города и экономики (Ballard, 2012: 567).

Для создания этой дискурсивной категории важна темпоральность. Новые, не вполне сформировавшиеся и развитые городские территории (а зачастую еще полностью отсутствующие, поскольку ЖК начинают продаваться при начале строительства) в воображении их создателей и публики становятся более понятными и реальными, когда описывают их благополучную социальную среду. Возникает представление о новом районе как об особой части в городской структуре, обладающей своей атмосферой и общностью местных жителей. Новые районы становятся включенными в городскую территорию, но представленными особо. Житель в данном контексте оказывается обобщенным актором, которого ожидает счастливое будущее на этой территории. Это счастливое будущее «хороших» горожан в рамках такой дискурсивной конструкции соответствует стандартам жизненного стиля воображаемого «среднего класса».

Горожанин как экономический агент: потребитель

Третий способ категоризации горожан, так же как и предыдущий, строится вокруг потребительского выбора, но в данном случае акцент делается не на социальной, а на экономической составляющей. Купивший или собирающийся покупать квартиру в новостройке горожанин рассматривается как экономический агент, для нужд которого регулярно публикуются материалы о стоимости и качестве объектов недвижимости, ходе строительства и надежности продавца. Взгляд на горожанина как на потребителя автоматически предполагает ограниченный набор действий, который горожанину может быть доступен, — его агентность реализуется сугубо в рыночной логике.

Житель описывается как рациональный агент, который «голосует» финансово за определенный тип недвижимости. Медиаобзоры рынка ориентированы на людей, собирающих и сопоставляющих полную информацию и ориентирующихся на рынке, принимающих обоснованное решение. Единственное, чем ограничен горожанин в своем выборе — ценовые барьеры. Во властном дискурсе житель скорее «голосует» за новое жилье:

Выбор покупателя между Подмосковьем и Новой Москвой чаще всего делается в пользу ТиНАО. Ведь за те же деньги покупатели получают большую по площади квартиру и бонус в виде статуса столичного жителя. (Презентация «Итоги работы строительного комплекса г. Москва», сайт мэра Москвы)

Здесь персонаж «горожанин» изображается как рациональный покупатель: сравнивая варианты, он выбирает наиболее выгодную покупку по соотношению цена — качество — дополнительные преимущества. При этом статус столичного жителя подразумевает в первую очередь социально-экономические преференции, а не гражданско-политический статус, и приравнивается к прочим формам экономического капитала. Власти считают такого жителя актором, который оценивает комфортность проживания на новой территории и ее насыщенность. К примеру, мнение жителей, представленное в нескольких опросных показателях, позволяет подкрепить утверждение о том, что новые территории благодаря благоустройству развиваются в правильном направлении (рис. 3).

Рис. 3. Слайд об оценке жителями новых территорий на Мосстрое, выполненный на основе данных компании ВЦИОМ

Однако не во всех нарративах горожанин-потребитель совершает правильный выбор, приобретая квартиру в новом районе: в дискурсе критически настроенных экспертов такой персонаж регулярно сталкивается с последствиями своего неверного шага.

В критическом дискурсе относительно новых районов качество ЖК, и особенно их среды и инфраструктуры, оцениваются негативно. Их называют «много-

этажками», «бетонными коробками», «человейниками», «гетто». Эти метафоры указывают на то, что новые районы эконом-класса, по мнению ряда экспертов и части горожан, лишены комфорта и в целом свойств настоящего дома, они однотипны, не прочны, в них проживает слишком много людей, они отрезаны от основной территории города, его социальной и транспортной инфраструктуры.

Горожанин-потребитель в силу своей ограниченной рациональности, а не объективных социально-экономических причин или осознанного выбора, оказывается в материальной среде, которую представители критической позиции считают для него неподходящей. Именно исходя из материальности и эстетических качеств новостройки становятся стигматизированными:

Все мы знаем площади, например, у IKEA. Некрасиво, когда большой пустырь заставлен автомобилями. Вот так выглядят дешевые высокоэтажные районы. (Ирина Ирбитская)

В данной интерпретации новые жилые районы оказываются изолированными от города не только вследствие транспортных и инфраструктурных проблем, но и из-за того, что они по своим визуальным и материальным характеристикам не вписываются в сложившуюся городскую среду (Jensen, Christensen, 2012). Основание для выделения горожанина-потребителя — покупательская способность, свобода потребительского выбора (Ballard, 2012), однако такой выбор для этой группы горожан в критическом дискурсе подразумевает иную, благоустроенную среду (Fernandes, 2004; Guano, 2004).

Горожане-потребители не наделяются агентностью, достаточной для изменения проблемной ситуации. То, что может сделать потребитель, укладывается в рыночную логику: купить или продать собственность, сдать в аренду, сделать невыгодную покупку, потерять в цене от стоимости квартиры. У таких горожан нет способности к кооперации и коллективным действиям, они не могут формулировать требования и воздействовать на агентов власти и капитала для разрешения ситуации. Даже в случае, когда эксперты упоминают борьбу жителей района с несправедливостью, они описывают это в терминах дефицита информации и нарушенного контракта. К примеру, застройщик или власть обещали определенное количество инфраструктурных объектов, но не сдержали свое слово, в силу чего горожане оказались в роли обманутых покупателей или неудачливых инвесторов. Экспансия рыночной логики исключает вопрос о качестве жилой застройки и развитии городской среды новых районов из области политического действия горожан как избирателей.

Таким образом, эта категория жителей наделяется только экономической агентностью. Во властном и девелоперском дискурсе политическая агентность не представляется возможной, а в критическом дискурсе — не подразумевается. Житель, таким образом, обитает на особо выделяемой территории — будь то с особым благоустройством или особенными проблемами. Однако даже из-за изменений,

которые важны для каждого агента по-разному, такой житель не становится изолированным и обладает правом перемены места жительства.

«Неправильные» горожане в «неправильной» среде

В представлениях о будущем развитии новых районов в критическом дискурсе большую роль играют особые категории жителей, которые рассматриваются отдельно от остальных и исключаются из городского сообщества. Эти категории — мигранты, арендаторы, горожане с низким доходом и резиденты социального жилья — обладают специфической агентностью, но фактически оказываются лишены права на город. Они описываются только в дискурсе критических медиа и противопоставляются описываемым девелоперами и властями.

Говоря о проблемах и негативном сценарии развития новых районов, критически настроенные эксперты выделяют два набора факторов. В первый входит то, что связано с материальной составляющей: высокая плотность населения, пространственная изолированность, недостаток инфраструктуры и благоустройства. Во второй — то, что касается социального наполнения района и постепенного замещения «правильных» горожан-потребителей среднего класса, разочарованных в своей покупке, на иных жителей, чье появление, согласно прогнозам экспертов, приведет к окончательной и бесповоротной деградации района.

Негативный сценарий развития новых районов в перспективе 5–10 лет представляется в критически настроенных медиа как неотвратимый. Рассказывая о возможности скорого обветшания жилого фонда и криминализации местного населения, эксперты ссылаются на аналогичные, по их мнению, случаи из истории массовой жилой застройки на Западе. При этом упоминаются лишь те примеры, где ответом на возникшие проблемы были расселение и снос всего квартала. Жители при этом описываются как равнодушные, не заботящиеся о частном и публичном пространстве. Наиболее показателен в этой связи статус арендаторов, которым отказывают в праве на принятие решений, поскольку они не являются собственниками. По мнению как публичных экспертов, так и своих соседей-собственников, арендаторы не имеют стимулов для инвестирования в территорию сил и ресурсов. Это лишает их легитимной возможности участвовать в жизни дома и района (Шомина, 2010). Экспертное сообщество придерживается представления о том, что право собственности практически пожизненно связывает человека с территорией и заставляет вкладываться в ее развитие, а присутствие большого количества арендаторов влечет за собой халатное отношение и упадок среды:

Казалось бы — ну приехали, ну арендовали жилье. Проблема в том, что для арендаторов это жилье — временное. Оно им не принадлежит, и относятся они к съемной квартире соответственно. Приезжих не волнует развитие локации, они ведь приехали сюда жить не навсегда, а на время, поэтому ду-

мать об уюте в доме, о подъездах с цветочками на этажах — это не про них. (Новострой-М, сайт-агрегатор недвижимости)

Мигранты и люди с низким доходом представляют, согласно этой логике, другой тип угрозы — негативное изменение потребительской культуры района и паттернов поведения в публичных местах, которые больше не будут соответствовать стандартам воображаемого среднего класса. По мнению критиков, именно люди с низким доходом и мигранты становятся причиной «геттоизации», потому что они демонстрируют спрос на инфраструктуру особого рода, кардинально отличающуюся от той, в которой испытывают потребность «хорошие» горожане. Отсутствие приемлемых для экспертов потребностей у этих категорий жителей рассматривается не как следствие конкретных структурных ограничений их социальной позиции, а как «естественное» и неотъемлемое отличие:

Приезжают в эти районы самые неблагополучные слои населения. То есть это гастарбайтеры, самые бедные люди — просто это самое дешевое арендное жилье, которое есть сейчас в городе. <...> У них здесь уже свой мир — свои парикмахерские, свой бордели. (Илья Варламов, блогер)

Такие категории в дискурсе о новых жилых районах не могут считаться правильными горожанами, поскольку они не имеют важного в этом контексте типа агентности — экономической. Более того, они не имеют права на свою среду и инфраструктуру, поскольку она вредит надлежащему образу города. Они лишены средств самостоятельной публичной репрезентации в дискурсивном пространстве: если в критическом дискурсе о них говорят как о причинах «геттоизации», то во властном дискурсе их нет вообще, там выделяют лишь горожан-потребителей и людей, «наделенных престижным статусом москвича». Таким образом, в городском символическом пространстве появляются «не-горожане», лишенные права на город и собственный голос, изолированные от остального социального пространства.

Несмотря на то что в Москве можно выделить категории горожан, очевидно подверженных стигматизации, они не являются главными и единственными жителями этих территорий. В медиа конкретные районы обозначаются как «гетто», но это название пока не стало общеупотребительным, конвенциональным и полностью нормализованным. В случае категории «не-горожан» важно отметить, что эти процессы также нельзя назвать уникальными для новых районов: сходные исключения происходят и в других контекстах коллективной городской жизни, где эти категории горожан оказываются.

Заключение

Цель этой статьи состояла в том, чтобы реконструировать то, как репрезентируются различные категории горожан в дискурсивном пространстве Москвы. Для этого я проанализировала часть публичного дискурса о новых жилых районах преимущественно эконом-класса. Новые районы рассматривались как «социальная лаборатория», где во взаимодействии с городской властью, капиталом, медиа и экспертными сообществами возникают и оформляются представления о горожанах. Образующееся вокруг них смысловое поле оказывается крайне противоречивым: с одной стороны, они ассоциируются с дискурсом о городском развитии, с другой — с дискурсом о деградации. В результате качественного анализа выборки текстовых и визуальных материалов, произведенных тремя ключевыми агентами дискурса (представителями власти, девелоперами, экспертами и журналистами критического дискурса), я выделяю четыре категории горожан.

Первая категория — «человеко-метр». Горожанин — это единица, которая фигурирует в описании плановых показателей и отчетах об успешной реализации мер городского развития наряду с квадратными метрами, объектами и прочими цифрами. Единицы горожан объединяются в совокупность — население, которое, подобно городской территории, подлежит контролю и увеличению в объеме. Эта категория горожан полностью лишена агентности и рассматривается как ресурс городской власти и девелоперов. Вторая категория — идеальный горожанин среднего класса. Она скорее иллюстративна и изображает гомогенное сообщество молодых людей с хорошим достатком и схожим стилем потребления. Такой горожанин дополняет образ «комфортной городской среды». Третья категория — горожанин-потребитель. Этот персонаж оперирует исключительно в экономической логике, хотя его рациональность часто оказывается ограничена. Он может купить, продать или сдать недвижимость, но не способен на индивидуальные и тем более коллективные действия по трансформации своего жизненного пространства, а также не может предъявлять политических требований к городской власти и капиталу. Четвертая категория — «неправильные» горожане. В дискурсивном пространстве эта категория жителей (арендаторы, люди с низким достатком, мигранты) лишена права на город. При этом у них остается возможность действовать, но они наделены негативной агентностью. Так, они способны воздействовать на окружающую городскую среду, однако это, с точки зрения производителей дискурса, ведет лишь к отрицательным последствиям. Этот персонаж появляется в любых новых районах эконом-класса вне зависимости от их местоположения. Разговор о «неправильных» горожанах чаще ведется в терминах будущего и приближающейся угрозы. Те пространства, которые населяет эта категория «негорожан», воображаются как изолированные и оторванные от остального города.

Рассматривая группы горожан в соотноении друг с другом, я показываю, как на одном на первый взгляд гомогенном пространстве сосуществуют разные категории, наделяемые разной агентностью и возможностями. Каждая категория

жителей в дискурсе располагает ограниченными возможностями действия, независимо от того, кто из агентов дискурса о ней говорит. Проблемы новых районов, согласно этой логике, могут быть решены только властью и девелоперами, на которых жители не имеют влияния. Взгляд на конструирование потребителя, воображаемого среднего класса, для которого строятся новые районы, позволяет увидеть не только исключенные категории жителей, но отсутствие конкретности, чрезмерную обобщенность изображения среднего горожанина, ради которого затеваются программы жилищной политики и появляются конкретные жилые комплексы. Таким образом, горожанам нечасто предлагается возможность по-настоящему публично высказывания и демонстрации собственной агентности.

В медиа освещаются проблемы новых районов — к примеру, инфраструктурные. В символическом пространстве акторы подходят к решению этих проблем по-разному. Власть присваивает любые позитивные действия себе, а негативные — специфике рынка. Эксперты в критических медиа, рассматривая существующие политические действия жителей — протесты, обращения в суд, — не придают им большого веса и отрицают их вклад в изменение пространства и инфраструктуры районов. Имеющие реальные политические последствия действия жителей (например, создание местного движения за экологию, активисты которого подают на находящиеся около района заводы в суд) не фигурируют в доминирующем дискурсе как значимые. Отказывая жителям в политической агентности, производители дискурса не освещают их влияние на изменения в районах, а наделяют правом определять судьбу территорий и их жителей лишь крупных акторов — представителей власти и капитала.

Выражение благодарности

Автор выражает благодарность компании «Медialogия» за предоставленный доступ к архиву СМИ и Варваре Кобыще, Оксане Запорожец и команде Лаборатории социальных исследований города за огромную (и постоянную) помощь в работе над текстом.

Источники

Статьи в СМИ

Борисова Е. (2017). Некрасовка станет мини-городом с развитой инфраструктурой. URL: <https://stroj.mos.ru/articles/kak-razvivaetsia-niekrasovka> (дата доступа: 30.12.2019).

Велесевич С. (2017). Выбираем район: что нужно знать о Некрасовке перед покупкой квартиры. URL: <https://reality.rbc.ru/news/58e63dfe9a79475955e12ddd> (дата доступа: 30.12.2019).

- Вести.Ru (2017). Градостроительная ошибка: Подмосковье превращают в гетто. URL: <https://news.rambler.ru/other/37909875-gradostroitel'naya-oshibka-podmoskove-prevrashchayut-v-getto/?updated> (дата доступа: 30.12.2019).
- Жидкин В. (2017). Нам не нужен город в виде огромного спального района. URL: <https://vm.ru/news/442883.html> (дата доступа: 30.12.2019).
- Зиганишина И. (2019). По-фински не получается: почему Россия обречена на жизнь в «человеяниках». URL: <https://newizv.ru/news/society/06-01-2019/po-finnski-ne-poluchaetsya-pochemu-rossiya-obrechena-na-zhizn-v-cheloveynikah> (дата доступа: 30.12.2019).
- Китаева А. (2019). Поворот не туда: В этих районах Москвы никто не хочет жить. Что с ними не так? URL: <https://lenta.ru/articles/2019/03/29/msk/> (дата доступа: 30.12.2019).
- Кракова С. (2019). Бетонный ад: почему «человеяники» расползаются по Москве. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2019/04/03/12281941.shtml> (дата доступа: 30.12.2019).
- Ляув Б. (2018). Марат Хуснуллин: «Строить высотные дома городу невыгодно». URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/characters/2018/12/04/788393-stroit-doma-nevigodno> (дата доступа: 30.12.2019).
- Мерцалова А. (2018). Районы с темным будущим. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3772714> (дата доступа: 30.12.2019).
- Мягкова М. (2019). Сервис «Авито» заметил рост цен на новостройки по всей России. URL: <https://realty.rbc.ru/news/5ca7192d9a7947f3adc83boe> (дата доступа: 30.12.2019).
- Новострой-М (2018). Гетто-районы Москвы: причины появления «человеяников» и маргинализации локаций. URL: https://www.novostroy-m.ru/statyi/gettorayony_moskvy_prichiny_poyavleniya (дата доступа: 30.12.2019).
- Новые известия (2018). «Человеяники» без человечности: не только в Подмосковье жалуются на новостройки. URL: <https://newizv.ru/news/society/14-02-2018/cheloveyniki-bez-chelovechnosti-ne-tolko-v-podmoskovie-zhaluyutsya-na-novostroyki> (дата доступа: 30.12.2019).
- Перевощикова М. (2019). Девелоперы застраивают города России «новыми хрущевками». URL: <https://www.vedomosti.ru/realty/articles/2018/02/22/751509-zastraivayut-goroda-novimi-hrushevkami> (дата доступа: 30.12.2019).
- Правительство Москвы (2017). Программа реновации жилищного фонда в городе Москве. URL: <https://www.mos.ru/programmarenovacii.pdf> (дата доступа: 30.12.2019).
- Расулов В. (2019). Новая Москва набирает обороты. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3953097> (дата доступа: 30.12.2019).
- Сайт Сергея Собянина (2019). Программа «Мой район». URL: <https://www.sobyanin.ru/districts> (дата доступа: 30.12.2019).

- Сафонова К. (2017). Кто мы такие, чтобы требовать большего. URL: <https://meduza.io/feature/2017/09/22/kto-my-takie-chtoby-trebovat-bolshego> (дата доступа: 30.12.2019).
- Стройкомплекс Москвы (2019а). Жилье в Новой Москве. URL: <https://stroj.mos.ru/new-moscow/stroitelstvo-zhilya> (дата доступа: 30.12.2019).
- Стройкомплекс Москвы (2019б). Строительство жилья. URL: <https://stroj.mos.ru/zhilyo> (дата доступа: 30.12.2019).
- ТАСС (2019). Собянин: подробности программы «Мой район» появятся на портале мэрии в ближайшие дни. URL: <https://tass.ru/obschestvo/6224893> (дата доступа: 30.12.2019).
- Чернявская А. (2017). Развитие Москвы: итоги шести лет. URL: <https://stroj.mos.ru/articles/moskva-miegapolis-dlia-zhizni> (дата доступа: 30.12.2019).
- gre4ark (Аркадий Гершман) (2019). Главная опасность новых районов. URL: <https://gre4ark.livejournal.com/665263.html> (дата доступа: 30.12.2019).
- Metrium (2014). Где в Москве жить хорошо? URL: <https://www.metrium.ru/news/detail/gde-v-moskve-zhit-khorosho-ili-obzor-kachestva-zhizni-po-okrugam-stolitsy-/> (дата доступа: 30.12.2019).
- varlamov (Илья Варламов) (2017). Почему в ближайшее время придется снести половину России. URL: <https://varlamov.ru/2574636.html> (дата доступа: 30.12.2019).

Видеоматериалы

- ГК А101 (2018). Живые районы от А101. URL: https://youtu.be/Lc_oZiSrEDg (дата доступа: 30.12.2019).
- ГК А101 (2019). Квартиры от А101 с кухней-гостиной. URL: <https://youtu.be/NQUJqST733s> (дата доступа: 30.12.2019).
- КАКНАДО (2017). ЛСР | Рекламный ролик. URL: <https://kaknado.com/video/696> (дата доступа: 30.12.2019).
- Квартирный Контроль (2017). Обзор ЖК «Аннино парк». Окружение, планировки, архитектура, технологии. URL: <https://youtu.be/sqIZ-pXwbK8> (дата доступа: 30.12.2019).
- Москва 24 (2017). «Ваше телевидение»: что не так с новостройками. URL: <https://www.m24.ru/shows2/68/142285> (дата доступа: 30.12.2019).
- Москва 24 (2018). Собянин обозначил приоритеты в строительстве жилья в новых районах Москвы. URL: <https://www.m24.ru/videos/video/11042018/171817> (дата доступа: 30.12.2019).
- О новостройках (2018). «Мещерский лес» от ГК «ПИК»: ожидание/Реальность. URL: <https://youtu.be/EuD1PiuduHg> (дата доступа: 30.12.2019).
- ПИК (2016). ПИК-Елка: дома, с которыми не хочется расставаться! URL: <https://youtu.be/НуврYmzl6CM> (дата доступа: 30.12.2019).
- ПИК (2018). Дом для каждого: как это сделано. URL: https://youtu.be/4JpqzCEdW_s (дата доступа: 30.12.2019).

- varlamov (Илья Варламов) (2019). Пять этапов превращения в гетто на примере Мурино. URL: <https://youtu.be/qLhcXgVZaJI> (дата доступа: 30.12.2019).
- varlamov (Илья Варламов) (2017). Чем плохи многоэтажные микрорайоны на примере Кудрово. URL: <https://youtu.be/7QKEeuWKbTw> (дата доступа: 30.12.2019).

Графические материалы

- Шабалина А. (2018). Шесть лет Новой Москве: итоги и планы. URL: <https://stroj.mos.ru/infographics/shiest-liet-novoi-moskvie-itoghi-i-plany> (дата доступа: 30.12.2019).
- Назаренкова Е. (2018). ПИК и агентство Friends запустили рекламную кампанию вместе с жителями домов. URL: <https://www.sostav.ru/publication/gk-pik-i-agentstvo-friends-zapustili-reklamnuyu-kampaniyu-vmeste-s-zhitelyami-domov-33004.html> (дата доступа: 30.12.2019).
- WOW awards (2018). Серия работ «Живые районы». URL: <http://wowawards.ru/works/751/> (дата доступа: 30.12.2019).
- WOW awards (2018). Серия слоганов для INGRAD. URL: <http://wowawards.ru/works/1050/> (дата доступа: 30.12.2019).

Литература

- Бредникова О., Запорожец О. (2016). Ветер, усталость и романтика ночи (об особенностях новых жилых массивов) // *Laboratorium*. Т. 8. № 2. С. 103–119.
- Григоричев К. В., Пинигина Ю. Н. (2013). «Неназванное не существует»: пригород в дискурсе региональных СМИ // *Известия Иркутского государственного университета*. Серия: Политология. Религиоведение. Т. 2. № 2. С. 282–300.
- Желнина А. А. (2019). «Гетто в хорошем смысле» против «бетонного гетто»: районные дискурсы и реновация в Москве // *Городские исследования и практики*. Т. 4. № 2. С. 21–36.
- Запорожец О., Багина Я. (2021). Власть надежд: отстаивание инфраструктуры в новых городских районах // *Журнал исследований социальной политики*. Т. 19. № 2. С. 269–284.
- Полухина Е. В. (2017). Жилищная мобильность: направления социологического анализа // *Журнал исследований социальной политики*. Т. 15. № 4. С. 589–602.
- Тыканова Е. В., Тенишева К. А. (2020). В плену «эффекта соседства»: социальный капитал и активизм в новых анклавных жилищных комплексах // *Журнал социологии и социальной антропологии*. Т. 23. № 2. С. 7–35.
- Чернышева Л. А. (2019). Российское гетто: воображаемая маргинальность новых жилых районов // *Городские исследования и практики*. Т. 4. № 2. С. 37–58.
- Чернышева Л. А. (2020). Онлайн и офлайн-конфликты вокруг городской совместности: забота о городском пространстве на территории большого жилого комплекса // *Журнал социологии и социальной антропологии*. Т. 23. № 2. С. 36–66.

- Шишова Е. С. (2020). Запахи и сенсорное упорядочивание пространства новых жилых районов // Интеракция. Интервью. Интерпретация. Т. 12. № 3. С. 10–30.
- Шомина Е. С. (2010). Квартиросъемщики: российский и зарубежный опыт развития арендного жилья // Муниципальная власть. № 3. С. 104–116.
- Anantharaman M. (2017). Elite and Ethical: The Defensive Distinctions of Middle-Class Bicycling in Bangalore, India // Journal of Consumer Culture. Vol. 17. № 3. P. 864–886.
- Anjaria J. S. (2009). Guardians of the Bourgeois City: Citizenship, Public Space, and Middle-Class Activism in Mumbai // City & Community. Vol. 8. № 4. P. 391–406.
- Bakkaer Simonsen K. (2016). Ghetto-Society-Problem: A Discourse Analysis of Nationalist Othering: Ghetto-Society-Problem // Studies in Ethnicity and Nationalism. Vol. 16. № 1. P. 83–99.
- Ballard R. (2012). Geographies of Development: Without the Poor // Progress in Human Geography. Vol. 36. № 5. P. 563–572.
- Bocking S. (2006). Constructing Urban Expertise: Professional and Political authority in Toronto, 1940–1970 // Journal of Urban History. Vol. 33. № 1. P. 51–76.
- Brattbakk I., Hansen T. (2004). Post-war Large Housing Estates in Norway: Well-Kept Residential Areas Still Stigmatised? // Journal of Housing and the Built Environment. Vol. 19. № 3. P. 311–332.
- Büdenbender M., Zupan D. (2017). The Evolution of Neoliberal Urbanism in Moscow, 1992–2015 // Antipode. Vol. 49. № 2. P. 294–313.
- Dikeç M. (2007). Badlands of the Republic: Space, Politics and Urban Policy. Oxford: Blackwell.
- Fernandes L. (2004). The Politics of Forgetting: Class Politics, State Power and the Restructuring of Urban Space in India // Urban Studies. Vol. 41. № 12. P. 2415–2430.
- Ghertner D. A. (2012). Nuisance Talk and the Propriety of Property: Middle Class Discourses of a Slum-Free Delhi // Antipode. Vol. 44. № 4. P. 1161–1187.
- Glasze G., Pütz R., Germes M., Schirmel H., Brailich A. (2012). The Same but Not the Same: The Discursive Constitution of Large Housing Estates in Germany, France, and Poland // Urban Geography. Vol. 33. № 8. P. 1192–1211.
- Golubchikov O., Badyina A., Makhrova A. (2014). The Hybrid Spatialities of Transition: Capitalism, Legacy and Uneven Urban Economic Restructuring // Urban Studies. Vol. 51. № 4. P. 617–633.
- Guano E. (2004). The Denial of Citizenship: «Barbaric» Buenos Aires and the Middle-Class Imaginary // City & Society. Vol. 16. №1. P. 69–97.
- Jensen S. Q., Christensen A. D. (2012). Territorial Stigmatization and Local Belonging: A Study of the Danish Neighbourhood Aalborg East // City. Vol. 16. № 1–2. P. 74–92.
- Harvey D. (2003). The Right to the City // International Journal of Urban and Regional Research. Vol. 27. № 4. P. 939–941.
- Holston J. (1999). Cities and Citizenship. Durham: Duke University Press.
- Holston J. (2009a). Insurgent Citizenship: Disjunctions of Democracy and Modernity in Brazil. Princeton: Princeton University Press.

- Holston J.* (2009b). Insurgent Citizenship in an Era of Global Urban Peripheries // *City & Society*. Vol. 21. № 2. P. 245–267.
- Kanai J. M.* (2010). The Politics of Inequality in Globalizing Cities: How the Middle Classes Matter in the Governing of Buenos Aires // *Environment and Planning A: Economy and Space*. Vol. 42. № 8. P. 1887–1901.
- Keller R.* (2006). Analysing Discourse. An Approach from the Sociology of Knowledge // *Historical Social Research*. Vol. 31. № 2. P. 223–242.
- Keller R.* (2011). The Sociology of Knowledge Approach to Discourse (SKAD) // *Human Studies*. Vol. 34. № 1. P. 43–65.
- Lamont M.* (1992). *Money, Morals and Manners. The Culture of the French and the American Upper-Middle Class*. Chicago: University of Chicago Press.
- Lefebvre H.* (1996). *Writings on Cities*. Oxford: Blackwell.
- McArthur J., Robin E.* (2019). Victims of Their Own (Definition of) Success: Urban Discourse and Expert Knowledge Production in the Liveable City // *Urban Studies*. Vol. 56. № 9. P. 1711–1728.
- Nogueira M.* (2019). Preserving the (Right Kind of) City: The Urban Politics of the Middle Classes in Belo Horizonte, Brazil // *Urban Studies*. Vol. 57. № 10. P. 2163–2180.
- O'Dougherty M.* (1999). The Devalued State and Nation: Neoliberalism and the Moral Economy Discourse of the Brazilian Middle Class, 1986–1994 // *Latin American Perspectives*. Vol. 26. № 1. P. 151–174.
- Sayer A.* (2010). Class and Morality // *Hitlin S., Vaisey S.* (eds.). *Handbook of the Sociology of Morality*. N.Y.: Springer. P. 163–178.
- Schatz L., Rogers D.* (2016). Participatory, Technocratic and Neoliberal Planning: An Untenable Planning Governance Ménage à Trois // *Australian Planner*. Vol. 53. № 1. P. 37–45.
- Slater T., Hannigan J.* (2017). Territorial Stigmatization: Symbolic Defamation and the Contemporary Metropolis // *Hannigan J., Richards G.* (eds.). *The Sage Handbook of New Urban Studies*. L.: Sage. P. 111–125.
- Strelnikova A.* (2018). Old and New Residents of Former Industrial Neighborhood: Differences and Identities. Higher School of Economics Research Paper No. WP BRP, 84.
- Ülkü G. K., Erten E.* (2013). Global Image Hegemony: Istanbul's Gated Communities as the New Marketing Icons // *International Journal of Architectural Research*. Vol. 7. № 2. P. 244–257.
- Wacquant L. J.* (1996). Red Belt, Black Belt: Racial Division, Class Inequality and The State in the French Urban Periphery and the American Ghetto // *Mingione E.* (ed.). *Urban Poverty and the Underclass: A Reader*. Oxford: Blackwell. P. 234–274.
- Wacquant L.* (2007). Territorial Stigmatization in the Age of Advanced Marginality // *Thesis Eleven*. Vol. 91. № 1. P. 66–77.
- Wacquant L.* (2008). *Urban Outcasts: A Comparative Sociology of Advanced Marginality*. Cambridge: Polity Press.
- Wacquant L., Slater T., Pereira V. B.* (2014). Territorial Stigmatization in Action // *Environment and Planning A: Economy and Space*. Vol. 46. № 6. P. 1270–1280.

Resources, Consumers, Non-citizens: Representation of the Citizens in the Discourse of the New Residential Areas in Moscow

Daria Volkova

Research Assistant, Laboratory of Urban Sociology, Faculty of Urban and Regional Development, HSE University
Address: Myasnitskaya str., 20, Moscow, Russian Federation 101000
E-mail: volkova.daria.v@gmail.com

This article explores the representation of the citizens in the discourse of new residential areas in Moscow. The article focuses on how different agents of discourse representing citizens helps to reveal which citizens are taken into account in the production of urban spaces and who is left out of it. In Moscow, new residential areas represent the contradictions of how citizens are represented in certain agendas. For authorities, such areas embody extensive policy, capital, and successful political management. In the media, such a type of housing becomes stigmatized: it is labelled as “ghetto” and imaged as environmental, which does not suit the correct path of city development. In this article, focusing on the production of urban citizenship in the part of public discourse produced by authorities, developers, and critical agents, I will show (1) when citizens are used as a faceless, impersonated category in the discourse in one row with the infrastructural achievements of the current government; (2) the construction of the “average citizen”, who is the main character in space production; (3) the grounds behind the “consumer-citizen” in discourse, who is entitled with only the economic agency on housing market; and (4) citizens who are symbolically excluded from their right to the new residential areas’ space. Through the characters-citizens in the discourse, I will show the lack of fundamental differences in the discourse of different agents, such as the authorities, developers, and critical agents.

Keywords: representation, discourse, citizens, housing complex, Moscow, new residential areas, periphery

References

- Anantharam M. (2017) Elite and Ethical: The Defensive Distinctions of Middle-Class Bicycling in Bangalore, India. *Journal of Consumer Culture*, vol. 17, no 3, pp. 864–886.
- Anjaria J. S. (2009) Guardians of the Bourgeois City: Citizenship, Public Space, and Middle-Class Activism in Mumbai. *City & Community*, vol. 8, no 4, pp. 391–406.
- Bakkaer Simonsen K. (2016) Ghetto-Society-Problem: A Discourse Analysis of Nationalist Othering: Ghetto-Society-Problem. *Studies in Ethnicity and Nationalism*, vol. 16, no 1, pp. 83–99.
- Ballard R. (2012) Geographies of Development: Without the Poor. *Progress in Human Geography*, vol. 36, no 5, pp. 563–572.
- Bocking S. (2006) Constructing Urban Expertise: Professional and Political Authority in Toronto, 1940–1970. *Journal of Urban History*, vol. 33, no 1, pp. 51–76.
- Brattbakk I., Hansen T. (2004). Post-war Large Housing Estates in Norway: Well-Kept Residential Areas Still Stigmatised? *Journal of Housing and the Built Environment*, vol. 19, no 3, pp. 311–332.
- Brednikova O., Zaporozhets O. (2016) Veter, ustalost' i romantika nochi (ob osobennostyah novykh zhilyh massivov) [The Wind, Tiredness, and Night Romance (About the Peculiarities of New Large Housing Estates)]. *Laboratorium*, vol. 8, no 2, pp. 103–119.
- Büdenbender M., Zupan D. (2017) The Evolution of Neoliberal Urbanism in Moscow, 1992–2015. *Antipode*, vol. 49, no 2, pp. 294–313.
- Chernysheva L. (2019) Rossijskoe getto: voobrazhaemaja marginal'nost' novykh zhilyh rajonov [Russian Ghetto: The Imaginary Marginality of New Housing Estates]. *Urban Studies and Practices*, vol. 4, no 2, pp. 37–58.
- Chernysheva L. (2020) Onlajn i oflajn-konflikty vokrug gorodskoj sovmestnosti: zabota o gorodskom prostranstve na territorii bol'shogo zhilogo kompleksa [Online and Offline Conflicts

- Around Urban Commons: Caring for Urban Space in the Territory of Large Housing Estate]. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 23, no 2, pp. 36–66.
- Dikeç M. (2007) *Badlands of the Republic: Space, Politics and Urban Policy*, Oxford: Blackwell Publishing.
- Fernandes L. (2004) The Politics of Forgetting: Class Politics, State Power and the Restructuring of Urban Space in India. *Urban Studies*, vol. 41, no 12, pp. 2415–2430.
- Ghertner D. A. (2012) Nuisance Talk and the Propriety of Property: Middle Class Discourses of a Slum-Free Delhi. *Antipode*, vol. 44, no 4, pp. 1161–1187.
- Glasse G., Pütz R., Germes M., Schirmel H., Brailich A. (2012) “The Same but Not the Same”: The Discursive Constitution of Large Housing Estates in Germany, France, and Poland. *Urban Geography*, vol. 33, no 8, pp. 1192–1211.
- Golubchikov O., Badyina A., Makhrova A. (2014) The Hybrid Spatialities of Transition: Capitalism, Legacy and Uneven Urban Economic Restructuring. *Urban Studies*, vol. 51, no 4, pp. 617–633.
- Grigorichev K., Pinigina Y. (2013) “Nenazvanoe ne sushhestvuet”: prigorod v diskurse regional'nyh SMI [“What is Not Named Does Not Exist”: City Periphery in the Discourse of Regional Mass Media]. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series “Political Science and Religion Studies”*, vol. 2, no 2, pp. 282–300.
- Guano E. (2004) The Denial of Citizenship: “Barbaric” Buenos Aires and the Middle-Class Imaginary. *City & Society*, vol. 16, no 1, pp. 69–97.
- Jensen S. Q., Christensen A. D. (2012) Territorial Stigmatization and Local Belonging: A Study of the Danish Neighbourhood Aalborg East. *City*, vol. 16, no 1–2, pp. 74–92.
- Harvey D. (2003) The Right to the City. *International Journal of Urban and Regional Research*, vol. 27, no 4, pp. 939–941.
- Holston J. (1999) *Cities and Citizenship*, Durham: Duke University Press.
- Holston J. (2009) *Insurgent Citizenship: Disjunctions of Democracy and Modernity in Brazil*, Princeton: Princeton University Press.
- Holston J. (2009). Insurgent Citizenship in an Era of Global Urban Peripheries. *City & Society*, vol. 21, no 2, pp. 245–267.
- Kanai J. M. (2010) The Politics of Inequality in Globalizing Cities: How the Middle Classes Matter in the Governing of Buenos Aires. *Environment and Planning A: Economy and Space*, vol. 42, no 8, pp. 1887–1901.
- Keller R. (2006) Analysing Discourse: An Approach from the Sociology of Knowledge. *Historical Social Research*, vol. 31, no 2, pp. 223–242.
- Keller R. (2011) The Sociology of Knowledge Approach to Discourse (SKAD). *Human Studies*, vol. 34, no 1, p. 43–65.
- Lamont M. (1992) *Money, Morals and Manners. The Culture of the French and the American Upper-Middle Class*, Chicago: University of Chicago Press.
- Lefebvre H. (1996) *Writings on Cities*, Oxford: Blackwell.
- McArthur J., Robin E. (2019) Victims of Their Own (Definition of) Success: Urban Discourse and Expert Knowledge Production in the Liveable City. *Urban Studies*, vol. 56, no 9, pp. 1711–1728.
- Nogueira M. (2019) Preserving the (Right Kind of) City: The Urban Politics of the Middle Classes in Belo Horizonte, Brazil. *Urban Studies*, vol. 57, no 10, pp. 2163–2180.
- O’Dougherty M. (1999) The Devalued State and Nation: Neoliberalism and the Moral Economy Discourse of the Brazilian Middle Class, 1986–1994. *Latin American Perspectives*, vol. 26, no 1, pp. 151–174.
- Poluhina E. V. (2017) Zhilishhnaja mobil’nost’: napravleniya sociologicheskogo analiza [Residential Mobility: Trajectories of Sociological Research]. *Journal of Social Policy Studies*, vol. 15, no 4, pp. 589–602.
- Sayer A. (2010) Class and Morality. *Handbook of the Sociology of Morality* (eds. S. Hitlin, S. Vaisey), New York: Springer, pp. 163–178.
- Schatz L., Rogers D. (2016) Participatory, Technocratic and Neoliberal Planning: An Untenable Planning Governance Ménage à Trois. *Australian Planner*, vol. 53, no 1, pp. 37–45.

- Shishova E. (2020) Zapahi i sensornoe uporjadochivanie prostranstva novyh zhilyh rajonov [New Residential Districts Ordering: Arom Language of Smells Description to the Space Sensory Order]. *Interaction. Interview. Interpretation*, vol. 12, no 3, pp. 10–30.
- Shomina E. (2010) Kvartiros'emshhiki: rossijskij i zarubezhnyj opyt razvitija arendnogo zhil'ja [The Renters: Russian and International Approach to Rental Housing]. *Municipal Power*, no 3, pp. 104–116.
- Slater T., Hannigan J. (2017) Territorial Stigmatization: Symbolic Defamation and the Contemporary Metropolis. *The Sage Handbook of New Urban Studies* (eds. J. Hannigan, G. Richards), London: Sage, pp. 111–125.
- Strelnikova A. (2018) Old and New Residents of Former Industrial Neighborhood: Differences and Identities (Higher School of Economics Research Paper no WP BRP, 84).
- Tykanova E., Tenisheva K. (2020) V plenu "jeffekta sosledstva": social'nyj kapital i aktivizm v novyh anklavnyh zhilishhnyh kompleksah [Trapped by the "Neighborhood Effect": Social Capital and Activism in the New Anclave Condominiums]. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 23, no 2, pp. 7–35.
- Ülkü G. K., Erten E. (2013) Global Image Hegemony: Istanbul's Gated Communities as the New Marketing Icons. *International Journal of Architectural Research: ArchNet-IJAR*, vol. 7, no 2, pp. 244–257.
- Wacquant L. J. (1996) Red Belt, Black Belt: Racial Division, Class Inequality and the State in the French Urban Periphery and the American Ghetto. *Urban Poverty and the Underclass: A Reader* (ed. E. Mingione), Oxford: Blackwell, pp. 234–274.
- Wacquant L. (2007) Territorial Stigmatization in the Age of Advanced Marginality. *Thesis Eleven*, vol. 91, no. 1, pp. 66–77.
- Wacquant L. (2008) *Urban Outcasts: A Comparative Sociology of Advanced Marginality*, Cambridge: Polity Press.
- Wacquant L., Slater T., Pereira V. B. (2014) Territorial Stigmatization in Action. *Environment and Planning A: Economy and Space*, vol. 46, no 6, pp. 1270–1280.
- Zaporozhets O., Bagina Y. (2021) Vlast' nadezhd: otstaivanie infrastruktury v novyh gorodskih rajonah [How Hopes Build the Civic Infrastructure of New Residential Areas]. *Journal of Social Policy Studies*, vol. 19, no 2, pp. 269–284.
- Zhel'nina A. (2019) "Getto v horoshem smysle" protiv "betonnogo getto": rajonnye diskursy i renovacija v Moskve ["Ghetto in a Good Sense" versus "The Concrete Ghetto": Neighborhood Discourses and Renovation in Moscow]. *Urban Studies and Practices*, vol. 4, no 2, pp. 21–36.